



**ИДЕ
АЛЬ
НЫЙ
СЫН**
ЛОРЕН НОРТ



INSPIRIA

Москва
2020


УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
Н82

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 **vmirefiction**

 **read_action**

Lauren North

THE PERFECT BETRAYAL

Copyright © North Writing Services Ltd 2019

This edition is published by arrangement with Darley Anderson
Literary, TV & Film Agency and The Van Lear Agency

Редактор серии *Ю. Чернова*

Оформление серии *Я. Паламарчук*

Норт, Лорен.

Н82 Идеальный сын / Лорен Норт ; [перевод с английского Д. Ершова]. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с.

ISBN 978-5-04-116377-8

После смерти мужа в страшной аварии Тесс Кларк живет только ради своего сына Джейми. Они пытаются научиться заново радоваться простым вещам — совместному просмотру мультиков, прогулкам до школы и хорошей погоде. Жить без мужа тяжело, но самое важное — у Тесс есть сын.

На следующий день после восьмилетия Джейми Тесс просыпается в больнице с полной уверенностью в том, что кто-то ударил ее ножом, сын пропал и во всем этом замешан ее социальный психолог. Но ее никто даже слушать не хочет.

Напуганная и отвергнутая всеми, Тесс должна собрать оставшиеся силы в кулак, чтобы спасти сына и восстановить цепочку событий с самой смерти мужа и до дня рождения Джейми. Главное, чтобы правда, которую она узнает, не оказалась для нее невыносимой...

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-116377-8

© Ершов Д., перевод на русский язык, 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ГЛАВА 1

**Понедельник, 9 апреля —
со дня рождения Джейми прошёл 1 день**

На мгновение — такое короткое — прекращается действие морфина, и боль возвращается. Она ещё слабая, поэтому я ясно осознаю четыре факта:

Первый — я в больнице.

Второй — меня ударили ножом.

Третий — ты жив.

Четвёртый — Джейми пропал.

Минут пять, навскидку. Минут пять у меня сердце так бьётся, что всё тело дрожит. Пять минут, когда ясно: нужно брать дело в свои руки. У нас ведь сын пропал, а я даже не уверена, известно ли вообще о его исчезновении, ищут ли его. Пять минут, и я снова стану пленницей этой боли, буду чувствовать, будто изнутри живот режут. Мне придётся молчать, стиснув зубы, — вдруг закричу, стану звать тебя и умолять дать мне ещё обезболивающего.

За эти самые пять минут я понимаю, что в палате со мной Шелли. Кожей чувствую её холодное прикосновение — сколько же она просидела на пластиковом стуле у моей больничной койки? Убираю руку, резко открываю глаза, встречаюсь с ней взглядом.

— Тесс, ну ты как? — Шелли немного подаётся вперёд, и я вдыхаю аромат её духов «Шанель». И с этим запахом приходит воспоминание: вот она стоит рядом с Йеном, в руке нож для праздничного торта Джейми. И слышно только, как на пол с ножа капает кровь.

Во рту всё пересохло из-за ватных тампонов. Силось произнести что-нибудь — не могу.

— Дать тебе воды, хочешь? — спрашивает Шелли, угадывая мои мысли, как это обычно у неё получается, — и у тебя. Рядом кувшин, она наливает воду в пластиковый стаканчик, подаёт мне, но я качаю головой, отчего синь больничных стен кругом идёт перед глазами.

— Где Джейми? — слова, будто стеклянные осколки в глотке, но я выталкиваю их силой.

Шелли резко поворачивается, украдкой смотрит в сторону сестринского поста по дальнюю сторону палаты.

— Тесс, мне жаль очень. Но ты думай только о том, чтобы скорее поправиться. Здесь ты в полной безопасности.

В безопасности? От чего? От кого? Где Джейми?

На лбу выступает капелька пота, ползёт к сбившимся кудрям — щекотно. В животе просыпается боль, начинает раздирать меня на части. Дышу часто — вдох, выдох, вдох, выдох, — пока боль ползет вверх к грудной клетке.

— Это всё ты, — шепчу. — Ты и Йен.

Шелли качает головой, потряхивая прядями гладких светлых волос.

— Я только хотела тебе помочь.

— Марк приходил. Он всё поправит.

— Марк?

В выражении её лица что-то меняется. На краткий миг: зрачки вдруг расширились, а потом сузились обратно. Испугалась.

— Марк умер, — говорит она, всё медленнее. — Его не стало в январе.

Неправда. Марк приходил. Сидел на том же стуле, что и ты. Гладил меня по руке, я точно помню.

Шелли ничего не отвечает, и я не сразу понимаю, что и сама ничего не сказала.

— Марк, он же, он... — Боль во мне крепнет, как дикий зверь, и вдруг слова не идут, и уверенности нет. Марк, ведь ты же приходил, приходил же?

— Лежи отдыхай. — Шелли подаётся вперёд, крепко стискивает руку. — Отдохнёшь, с доктором поговоришь, и станет лучше.

— Я хочу увидеть Джейми. — Пытаюсь пошевелить рукой, не получается. — Приведи его, ну пожалуйста. — Тон у меня умоляющий, отчаянный, но какая разница.

— Не могу, — отвечает Шелли, снова встряхнув волосами. На лице у неё улыбка, но в красивых зелёных глазах страх. Чего ты испугалась?

— Это мой сын. Ты не имеешь права его у меня забирать.

Шелли стискивает мне руку в последний раз, отходит.

— Зря я пришла, не стоило. Ты прости, Тесс.

Я смотрю, как у поста в дальней стороне палаты она о чём-то заговаривает с медсестрой с крашеными вишнёвыми волосами. Обе оборачиваются, пристально смотрят на меня. И Шелли уходит. Не

выпустайте её, хочу я крикнуть. Джейми никуда не пропал, это она его увела. Сама не знаю, что хуже.

Марк, где же ты? Джейми без нас не сможет.

Медсестра спешит ко мне. С одной из коек её зовут.

— Минутку, — отвечает она, а сама подходит ко мне, берёт историю болезни. Делает пометку. О чём? Что ей сказала Шелли? Что она написала? Мне хочется спросить, но так больно, мне кажется, я вот-вот закричу.

Где-то сигналит машина. Любой резкий звук отвёрткой ввинчивается мне в голову.

— Повезло вам с подругой, — говорит медсестра. У неё отчётливый дублинский акцент. *Никакая она мне не подруга, никогда ею не была.*

— Сын... — Но закончить уже не получается.

— Сейчас я вам ещё обезболивающего дам, — обещает медсестра, кладя историю болезни обратно на место. Как же мне хочется взять и прочитать, что же она там написала. Но нет, не могу, всё болит.

Я чувствую, как по венам распространяется лекарство, погружаясь в тёмные глубины беспамятства, слышу снова голос Шелли:

— Здесь ты в полной безопасности.

В безопасности? А кто мне угрожает? Где мой сын?

Как боль, мысль слабеет. Пытаюсь повторять факты.

Первый — я в больнице.

Что там дальше было, силюсь вспомнить, но не могу.

Как я попала сюда? Как вообще всё это со мной случилось?

ГЛАВА 2

Стенограмма опроса. Присутствовали:

Эллиот Сэндлер (Э.С.); Тереза Кларк (Т.К.) (пациент

Оклендской больницы, отделение Хартфилд)

Вторник, 10.04. 16.45. Сеанс № 1

Э.С. Тесс, доброе утро. Как вы себя чувствуете?

Т.К. Я? Не обо мне — о Джейми надо думать. Я хорошо. А Джейми пропал. Я всем говорю, никто не хочет слушать. Я тому, другому, сказала — полицейскому, молодому такому, с рыжими волосами. Он с утра приходил и брал показания. Шелли похитила. Или Йен. Шелли точно замешана. Никто меня слышать не хочет. Сэндлер, вы же следователь, вы мне скажите, что конкретно делается? Мне нужно знать, где мой Джейми, что с ним.

Э.С. Делается всё возможное, Тесс.

Т.К. Нужно просто разыскать Шелли. Да она сюда, в больницу, ко мне вчера приходила! Она точно знает, где Джейми. Вот только бы выбраться отсюда, сразу бы её нашла.

Э.С. Если вы хотите помочь, быть может, вы могли бы сообщить обстоятельства происшествия двухдневной давности? Это было воскресенье. Вы находились у себя дома.

Т.К. Воскресенье было два дня назад? Джейми уже два дня как пропал? Ох, боже ты мой...

Э.С. Что произошло?

Т.К. Джейми исполнилось восемь. Был его день рождения. Мы отмечали.

Э.С. Кто отмечал с вами вместе? Кто нанёс вам удар ножом?

Т.К. Не... (*пауза*). Не могу вспомнить.

Э.С. А что помните?

Т.К. Помню, Шелли была. Я-то думала, подруга. Помочь пытается. Она так хорошо с Джейми ладит. Это я во всём виновата. Джейми — смысл моей жизни. Если с ним какая беда случится... *(плачет)*.

Примечание: сеанс приостановлен вследствие тяжёлого эмоционального состояния пациента.

ГЛАВА 3

**Понедельник, 12 февраля —
до дня рождения Джейми 55 дней**

В день, когда ты умер, я разоггла в саду костёр.

Да, вот так вот. Твоя жена, городская жительница, наконец привыкает жить за городом. Чёртова куча веток во дворе, не могла уже смотреть на них. Когда ты подстригал ограду возле дорожки и свалил всё в кучу (ещё одно дело недоделал)?

До Рождества, только и помню.

Я, конечно, не знала, что ты умер. Осталась бы на кухне — грязь оттирать от шкафчиков, болтая с радио, — узнала бы сама, не от полицейских. Но я-то не знала, потому что тогда, в то утро, я озаботилась не въевшейся грязью, а кучей веток во дворе. А ещё дождя не было, небо синее-синее, я и пошла в шлёпанцах, со спичками и газетой наперевес. Вжух — и занялось.

Миг восторженной дрожи. Захрустели ветки, запахло костром, и в памяти всплыли хот-доги, чучела Гая Фокса с шаткими головами. Миг я думала, что надо было дожидаться Джейми, пусть бы и он по-

смотрел. Я даже чуть было не пошла в танец вокруг костра, так мне стало вдруг хорошо.

И вот пламя уже лижет крышу сарая, валит серый дым, будто задышал дракон. И от запаха уже не ностальгия, а в горле дерёт, а я стою вся, получается, в этих дурацких шлёпанцах, а вокруг пепельная вьюга. Побежала обратно в дом, вытряхивая пепел из кудрей, веселясь — вот я смешная, вот же забылась. Стала смотреть, где там телефон, хотела отправить тебе фото.

Так и не послала. Но ты бы и не увидел. Тебя уже не было.

Я пытаюсь вспомнить, каково это — смеяться, как я смеялась тогда. Не получается. Это уже не мои воспоминания, чужие. А было это четыре понедельника назад. Четыре недели — целая жизнь, оказывается. Спрашиваю себя, если бы ты сейчас меня встретил на улице, узнал бы? Мои непослушные светло-русые кудри теперь повисли неряшливой копной. Скинула лишние килограммы, накопленные за беременность. Всего-то и надо было — семь лет и чтобы тебя не стало.

Четыре понедельника. Четыре недели без тебя.

Сквозь оконный проём пробивается луч, образуя алмазный узор на кухонном столе и коробочке передо мной. Смотрю, как эти алмазы добираются до едва держащихся на петлях дверей кухонных шкафчиков из тёмного дерева.

Как я ненавижу эту кухню.

Почему в таком большом доме такая крохотная, такая мрачная кухня? Как же не хватает той, старой. От этих мыслей тоска не такая резкая, как когда я думаю о прошлой жизни, но всё равно тоска, внутри что-то замирает, и вдруг в памяти встают

чистые-чистые белые шкафчики, гладкий пол, простор.

Мой взгляд падает на коробочку рядом с хлопьями, которые не получается в себя запихнуть. Зелено-вато-голубая, маленькая. «Флуоксетин» напечатано чёткими чёрными буквами над этикеткой с моим именем: Миссис Тереза Кларк. Одна таблетка 20 мг в день.

Как это было всё у доктора просто: *«Миссис Кларк, переживание утраты нередко сопровождается депрессией. Исходя из описанных вами симптомов я решил назначить вам курс антидепрессантов. Для начала на три месяца, а после прошу вас снова записаться ко мне на приём. Кроме того, вам стоило бы обратиться к специалисту, который напрямую специализируется на помощи потерявшим близких».*

Я к этому доктору пошла на прошлой неделе, чтобы он мне прописал что-нибудь для сна, чтобы я просто отключалась и не было кошмаров. А он решил, у меня депрессия. Но я не чувствую никакой депрессии. Чаще всего я только и чувствую, что холод.

Не нужны тебе эти таблетки, Тесс.

От твоих слов боль немного утихает, но потом тянется по телу, как пластилин, в который так раньше любил играть Джейми. Ты умер, я знаю. Знаю, что этот голос в голове ненастоящий. Это я выдумываю, что бы ты сказал, если бы был рядом. Мне так легче.

Не нужны они тебе.

Ты мне уже это говорил. Я тогда не могла вылезти из постели, собрать Джейми в сад. Ты мне сказал, что я, мол, смогу силой воли перебороть себя. Захочу — и не будет ни пустоты, ни грусти.

Но ведь получилось? Тебе стало лучше.

Стало, но потом.

Глаза щиплет, вот-вот заплачу. Мысли в беспорядке. Пытаюсь сосредоточиться на звуках дома, на реальном. Звуков много. Скрипят, стучат трубы для горячей воды, будто привидение, воет ветер в каминах, дрожат окна в гниющих деревянных ставнях. Но сильнее всего слышно теперь нашего сына — сонные топ-топ-топ в ванную.

Я представляю, как Джейми чистит зубки, а щёткой старается не касаться промежутка внизу, где раньше был молочный зуб. Языком трогает один верхний, вдруг тот качается — сегодня как раз выпадет. Сынок наш, мне кажется, вырос с тех пор, как тебя не стало. А я съёжилась вся как-то. Потерянная, маленькая стала — так не хватает твоего плеча, но сын растёт, и ничто тому не помеха.

Шаги поутихли — это Джейми вернулся к себе в комнату, заканчивает одеваться.

Минута, две — и Джейми спускается в кухню.

Меня вдруг переполняют чувства. Наш сынок со мной. По телу растекается спокойствие, крошечными волнами вытесняя сердечную боль. Джейми со мной. Тебя нет, значит, моя жизнь остановилась, но Джейми со мной. А значит, есть жизнь.

— Доброе утро, зайчик мой, — говорю я сыну.

Он ловко садится на стул напротив, его уже ждут тарелка с ложкой.

Бросаю взгляд на микроволновку, на ней часы. Уже 8.35. И как только утро пролетело?

— Опять мы с тобой в школу опаздываем. Засиделась чего-то, прости.

Сын кривится. Опаздывать не любит. А всегда спокойно к опозданиям относился. И раньше так не хмурился. От этого он, семилетний, слишком сильно

похож на взрослого, но последнее время у него так всё чаще при виде моего землистого лица и синяков под глазами.

Он переводит глаза на коробочку у меня в руке — таблетки, которые мне бы надо пить, а я не пью. Встаю поспешно, ножки стула скользят по уродливым красно-коричневым плиткам, роняю упаковку на гору писем у микроволновки, и куча пружинит под довеском.

Оборачиваюсь, а сын уже совсем не хмурый, а снова обычный маленький мальчик. Берёт хлопья и от души высыпает в тарелку.

Его бы подстричь, Тесси.

Всегда ты это говоришь.

Светлые кудри, так похожие на мои, упрямы и непослушны, но он постоянно убирает их от своих голубых-голубых глазок. Помнишь, что нам медсестра говорила? Джейми родился, мы стоим над ним, воркуем, какие, мол, глазки, а она говорит: *«Они поблекнут потом, такими чистыми не останутся»*. Остались.

Я не веду его к парикмахеру, но не потому же, почему не проверяю почту или сообщения на автоответчике. Просто он длинноногий, подбородок квадратный, прямой нос с курносинкой — вылитый ты, Марк. А если ещё и волосы подстричь, будет ещё сильнее как ты. Да и самому ему нравится, чтобы подлиннее. Если стесняешься, проще спрятаться, а стесняться он иногда любит.

— Всё собрал? — спрашиваю. — Где джемпер?

Джейми пожимает плечами, рот набил хлопьями так, что ответить не может.

— И я не знаю. А где ты в пятницу его бросил?

— Не знаю, — слышу в ответ.

И меня пробирает бессилие. А из него уже вырастает злость. Выпаливаю, не успев сдержаться:

— Ради бога, Джейми. Куда ты задевал чёртов джемпер?

Он весь съёживается, прячась от злости в моем голосе. И мне становится стыдно. Очень.

Джейми повесил голову, удручённо склонился над тарелкой, по щеке покатила слезка.

— Не ругайся. Ругаться нехорошо, — шепчет.

— Прости, — вырывается у меня. Сажусь на корточки рядом с сыном. — Маме не стоило срываться. И уж точно не стоило ругаться. Ты ничего плохого не сделал. Просто мне сегодня утром нездоровится. Но это не из-за тебя. Прости меня. — Встаю, кусая губу. — Я на выходных стирала, помню, точно где-то висел, — говорю я неправду. — Доедай давай завтрак, а я пойду поищу.

Джейми кивает, и я понимаю, что всё у нас снова хорошо. Настолько, насколько возможно без тебя.

Тапочки прихлопывают по деревянному полу — быстрым шагом вон из кухни и в коридор с массивной дубовой дверью. Из одной комнаты в другую — ищу джемпер. Сначала в столовую, где по бокам громадного камина, почерневшего от десятилетиями копившейся в нём сажи, стоит мебель твоей матери из чёрного дерева. Того же чёрного цвета старинные дубовые балки, что идут по потолку и вниз вдоль стен.

А джемпера нет.

Не могу вспомнить, я его стирала или нет. Сушила ли. Ещё одно воспоминание, растворившееся в тумане моей жизни...

Через коридор иду в главную гостиную, откуда видно сад. В ней ещё один камин, перед которым